

КАТЕРИНА ЦВИК

ЗАКРЫТЫЙ
КОЛЛЕДЖ

ВЕРА ИЩЕТ ТЕНЬ

Катерина Цвик
Закрытый колледж.
Вера ищет тень
Серия «Закрытый колледж», книга 1

*<https://litres.ru/73981096>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Я всю жизнь только и делала, что убегала — от тайных врагов, прошлого, правды. Но когда ожил мой рисунок, отцу пришлось признать: у меня дар. А я поняла, что за вуалью реальности прячется совсем другой мир.

Теперь мне предстоит учиться в закрытом колледже для одарённых, где оживают не только картины, но и тени.

И теперь за мной охотится Орден очищения и... кажется, один парень с опасной улыбкой, тайны которого могут быть страшнее моих..

А еще вас ждут:

- тайны прошлого и настоящего
- мистика
- героиня с характером

Содержание

Глава 1. Нервы. Гадость. Побег	4
Глава 2. Старый дом. Рисунок. Котенок	13
Интерлюдия 1	17
Глава 3. Поезд. Воспоминания. Кафе	20
Глава 4. Питер. Торговый дом. Дорога в колледж	32
***	37
Глава 5. Ворота. Усадьба. Домовой	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Катерина Цвик

Закрытый колледж.

Вера ищет тень

Глава 1. Нервы. Гадость. Побег

В сгустившихся над моей головой тенях что-то было. Я пыталась это что-то рассмотреть и понять, почему так сильно колотится сердце и сбивается дыхание, стоит в них взглянуться, но раз за разом истина от меня ускользала.

Тени

Каким немислимым образом мне пришло в голову до них дотронуться? Нормальное, в принципе, желание. Инстинкт, благодаря которому маленькие дети знакомятся с миром. Но почему-то в голову тут же пришла другая мысль: на трансформаторной будке не зря написано «Не влезай — убьет».

Это я к тому, что кое-что трогать все-таки очень не рекомендуется. Но Это ведь тени. До них, по логике, вообще дотронуться невозможно!

Или возможно?..

Не выдержав раздиравших меня противоречий и любопытства, я протянула руку. Пальцы невольно дрогнули. Я затаила дыхание, и тут

кто-то потряс меня за плечо:

— Вера, вставай!

Отцовский голос вырвал меня из странного сна, и несколько мгновений я не могла понять, где нахожусь и что происходит. Но следующая короткая фраза расставила все по местам:

— Собирайся. У нас десять минут.

Захотелось с головой накрыться одеялом и застонать, но я не стала попусту терять время. Его и так практически не было. Подскочила с кровати и начала закидывать в рюкзак самое необходимое. Все остальное можно будет купить на новом месте.

Если мы, конечно, и на этот раз успеем убежать.

В голове же в этот момент билась злая мысль: «Ненавижу переезжать!» Вернее: «Ненавижу убежать!» Но вариантов не было.

Только-только наметившаяся спокойная размеренная жизнь, друзья, симпатии — все снова летело в мусор, чтобы навсегда там и остаться. Ведь мне нельзя поддерживать дружеские связи даже через соцсети. И не потому, что отец такой тиран или я творю на старом месте такую дичь, что потом лучше спрятаться под плинтус и не отсвечивать.

Просто Просто все сложно. Прямо статус в соцсетях, а не наша с отцом жизнь. Гребаная веселая и непредсказуемая жизнь!

Подхватила со стола сумку через плечо, в которой лежали

мой скетчбук для рисования и пенал с принадлежностями, и огляделась в поисках Гадости.

— Готова? — Отец заглянул в комнату, оценил мой вид и подхватил собранный рюкзак. — Уходим через крышу.

— Подожди. — Я проскользнула мимо него в коридор, решив, что найду котенка в кухне.

— Твоя Гадость у меня, — с досадой произнес отец, и я только тут заметила, что котенок выглядывает у него из-за пазухи. — За мной. — И он поспешил из квартиры.

Гадостью, к слову, назвал котенка именно он. Отец вообще против того, чтобы заводить каких-либо животных. С нашим образом жизни это неудивительно. Но я просто не смогла пройти мимо жалобно мяукавшего комочка, который дрожал в тени подворотни. Принесла в дом перепачканное нечто со слезящимися глазками, и первое, что услышала: «Вера, зачем тебе эта гадость?!»

Это произошло два месяца назад. За это время Гадя превратилась в милого упитанного серого котенка с белой кисточкой на кончике хвоста. И как бы отец ни фыркал при виде него, у меня создавалось стойкое ощущение, что он тоже успел привязаться к нашей Гадости. Сейчас, по крайней мере, он про нее не забыл и не бросил.

Я откинула спешно заплетенную светло-русую косу за спину и вышла на лестничную клетку. Где-то внизу хлопнула подъездная дверь и послышались тихие голоса. Отец в это время уже открывал чердачный замок. С беспокойством

прислушался, и его движения стали резче, а взгляд жестче.

— Ммяу, — неожиданно громко выдала Гадость, и шаги только что вошедших в подъезд людей заметно ускорились.

Мы с отцом переглянулись и в одно мгновение оказались на крыше. Нас встретила приятная прохлада летней ночи, которую, впрочем, я отметила проходя. Отец повесил мне на спину мой рюкзак, поправил свой, и мы понеслись по крыше девятиэтажки ко входу в крайний подъезд. Чердачную дверь он открыл быстро, и наш бег продолжился уже вниз по лестнице. Но выбегать на улицу мы не стали — наверняка там нас ждали, пусть и у другого подъезда.

Отец достал еще один ключ и открыл дверь квартиры на первом этаже. Сверху раздались удары в чердачную дверь, и мы ускорились.

В квартире витал запах затхлости. Неудивительно, ведь отец снял ее на подставного человека специально для вот таких целей и никто в ней в течение этого года не бывал.

Пока я оглядывалась, отец открыл выходящее на противоположную от двора сторону окно и со словами «только попробуй мне тут мяукнуть» засунул голову котенка поглубже себе за пазуху и свесился вниз.

— Вера, ты где? — тут же услышала я тихое и поспешила залезть на подоконник.

Отец уже стоял на земле и протягивал ко мне руки. Гадость как ни в чем не бывало выглянула из-за ворота его байки и, глядя на меня, дернула ухом, будто подбадривая. Отец

тут же засунул кошку обратно и снова махнул мне рукой — требовал поторапливаться.

Я вздохнула и свесилась вниз. Прыгать было не так и высоко, но отец меня подстраховал. И стоило моим ногам коснуться земли, как мы тут же побежали вниз по пригорку, на котором стоял дом. Там у дороги среди прочих авто был припаркован старенький ВАГ — наша резервная машина для побега. В обычной жизни мы ею не пользовались. Отец лишь изредка выезжал на ней за город удостовериться, что она на ходу. Ну и учил водить меня.

Прав у меня не было — восемнадцать еще не стукнуло, — но при необходимости я вполне смогла бы сесть за руль и сбежать одна, но истово надеялась, что с отцом ничего не случится и он всегда будет со мной.

Однако управлять именно ВАГом я не любила. Мне больше нравились «Амур» или «новгородец». У них и комфортнее салон, и автоматическая коробка передач, а не вот это все с дерганием рычага и тремя педалями. Не отказалась бы я покататься и на элитном «орле», но что-то меня понесло не туда. Нервы.

Мы плавно выехали на дорогу и покатали по главной улице. Машин было мало, и я опасалась, что за нами увяжется погоня. Сидела как на иголках и постоянно оглядывалась. Но время шло, мы немного попетляли по улочкам и выехали из города.

— Похоже, у нас получилось, — наконец произнес отец, и

витавшее в салоне автомобиля напряжение начало понемногу отступать.

Гадя заворочалась у него под кофтой и явно начала царапаться. Отец зашипел, расстегнул молнию и достал котенка. На мгновение его майка задралась и в свете уличных фонарей я мазнула взглядом по шраму на его боку — позапрошлый побег прошел не так гладко, и я всегда с содроганием вспоминала ту злосчастную пулю.

— На, держи свое чудовище.

— Ты уж определись: Чудовище или Гадость, — нервно фыркнула я.

Оказавшись у меня на коленях, котенок тут же начал по ним топтаться. Потом уперся передними лапками в дверь, пытаясь заглянуть в окно. У него это не вышло, и он возмущенно замыкал.

— Этому котенку подходит и то и другое. Но я уже привык к Гадости, так что оставляй, — попытался улыбнуться мне отец, но напряжение все еще его не отпустило, и улыбка получилась натянутой.

Я подхватила Гадю на руки и прижала к груди. Так обзор у котенка улучшился, и на некоторое время Гадя притихла, всматриваясь в дорогу.

— Куда мы дальше? — спросила я, глядя на обеспокоенно сдвинутые брови отца.

— Мне надо подумать.

В машине повисла тишина. Я откинула голову на подго-

ловник и обессиленно прикрыла глаза.

— Пап, когда все это закончится? Со временем становится только хуже! Что ему от нас надо?!

Отец бросил на меня косой взгляд.

— Скоро. Нужно только удостовериться, что у тебя не проснется — Отец внезапно осекся и с какой-то странной ожесточенностью добавил: — Неважно.

— Что у меня не должно проснуться? — с недоумением посмотрела я на него. — Ты о чем вообще?

— Вера, не обращай внимания. Я сказал не подумав. — Отец так усиленно вглядывался в дорогу, что у меня не осталось сомнений: он недоговаривает.

— Ты считаешь это нормальным? — не выдержав, воскликнула я.

— Ты о чем? — Он снова скосил на меня напряженный взгляд.

— Ты прикалываешься?! — с возмущением уставилась я на него. — После смерти мамы мы только и делаем, что убегаем от него, от его врагов, от не знаю, еще от кого! Так нельзя жить вечно! Между прочим, я только-только завела в Станграде нормальных друзей, привыкла к этому городу, даже придумала, куда буду поступать после школы, — и вот опять! Я не могу так!

— Пойми, я не хочу, чтобы ты попала к нему в руки, — посмотрел на меня отец. — Рядом с ним не может быть нормальной жизни.

— А сейчас она у нас просто капец какая нормальная, да?!

— Возмущение из меня так лезло, даже Гадя на руках замяукала, будто успокаивая меня.

Хотелось плюнуть на все, остановить машину и вернуться обратно в свой привычный мир с совершенно обычными подростковыми проблемами, где нет вот этого вот всего! В Станграде меня только-только наконец пригласили на свидание! Я весь вечер думала, что надену в эту пятницу в кафе, и вот. Ну почему так всегда?! Мне уже семнадцать, а я еще ни разу ни с кем не встречалась! Даже за ручку ни с кем не держалась!

Только-только выстроенная жизнь снова рушилась, и мне хотелось рвать и метать.

— Вера, прекрати. Ты не знаешь, о чем говоришь, — сцепил зубы отец.

— Действительно, что я могу знать? Ты же ничего толком не рассказываешь! А я чувствую себя белкой в колесе, которая все время куда-то бежит, и конечной точки не видно!

— Вера, все будет хорошо, — продолжал убеждать то ли себя, то ли меня отец.

— Конечно! И сколько же мы продержимся на новом месте? А если не успеем убежать? А главное, кто же на этот раз найдет нас первым? Рулетка! — продолжала распаляться я.

Еще что-то кричала, высказывая все, что накипело, и отец не выдержал и, перебивая меня, выкрикнул:

— Я не хочу, чтобы ты погибла, как твоя мать!

В машине повисла тишина. В душе словно что-то оборвалось. Мама Эта тема всегда была для нас обоих слишком болезненной. И если уж отец заговорил о ней

Я прикрыла глаза, беря в себя в руки. И что на меня нашло? Можно подумать, это отец во всем этом виноват. Да я лучше буду вот так с ним бегать по городам, чем

— Вера — оборвал мои мысли его тихий голос. — Я понимаю, как тебе тяжело, и постараюсь найти для нас безопасное место.

Я встретилась с ним взглядом и кивнула. Хотелось извиниться за свою истерику, но язык отчего-то не повернулся, и я уткнулась в серую мягкую шерстку Гадости, находя в этом маленьком живом комочке безмолвную поддержку и успокоение.

Внезапно свет фар отразился в янтарных глазах пробежавшей по обочине лисицы, и я вздрогнула, увидев в этом некий знак. Попыталась понять какой. Потерла лоб и покачала головой. Н-да, совсем нервы стали ни к черту.

Глава 2. Старый дом.

Рисунок. Котенок

Старые дома, в которых давно никто не жил, всегда пахнут по-своему. Специфично. Я никогда не любила бывать в таких домах, даже если нам приходилось в них проводить всего пару дней. Постоянный скрип, будто по чердаку кто-то ходит, шебаршение мышей в подполе, сырость. Чтобы такой дом стал комфортен для жизни, его нужно протапливать и обживать по-настоящему.

Дом, в котором мы оказались на этот раз, был даже менее уютным, чем обычно, и так капитально зарос кустами и деревьями, что его уже смело можно было назвать лесным. Однако жить, а вернее перекантоваться, в нем было можно. Но уже вторые сутки спала я плохо и нервно и вообще старалась больше времени проводить за его пределами. Благо был конец лета.

Адрес этого дома на самой окраине одной из заброшенных деревень дал нам дядя Герман, двоюродный брат отца. Собственно, это именно он помогал нам прятаться все последние годы и даже доставал поддельные документы. Иначе нас бы вычисляли гораздо быстрее. Он как-то был связан с госструктурами, но меня в эти вещи не посвящали.

— Привет, Гера, — услышала я голос отца.

Он вышел на крыльцо — только там связь была более-менее устойчивой — и прислонился к косяку плечом, поглядывая на меня.

Я сидела на лавочке в тени дома и занималась тем, что всегда меня успокаивало, — рисовала карандашом. Почему-то именно карандашные черно-белые наброски всегда выходили у меня лучше всего.

Гадя находилась на бревнышке неподалеку, ловя последние вечерние лучи солнца, и вылизывала шерстку после обильного ужина. Вот ее я и рисовала: маленькие острые ушки, сощуренные от довольства глазки, розовый язычок, хвостик с белой кисточкой на конце.

— Нет, Гер, нужно что-то посерьезней. Чем ближе к — отец покосился в мою сторону, — ко времени, тем сложнее нам становится прятаться. — Он помолчал, выслушивая собеседника. — Нет. Нет, я уверен, что нет. Никаких признаков. Думаю, скоро от нас отстанут.

Солнце уже почти село за горизонт, во дворе стало довольно темно, чтобы рисовать, но возвращаться в дом не хотелось, как и включать свет. А потому я продолжала водить по листу карандашом, выписывая последние детали в образе котенка.

Внезапно лапка нарисованного животного шевельнулась. Я зажмурилась, решив, что тени сумерек играют со мной злую шутку. Однако стоило снова посмотреть на свой рисунок, и я увидела, как котенок спрятал язычок, которым вы-

лизывался, и игриво склонил голову набок.

Моя челюсть неумолимо поползла вниз. А когда котенок вытянул вперед лапку, будто хотел выпрыгнуть из листа, я не выдержала и испуганно подскочила, отчего скетчбук упал к моим ногам, но не захлопнулся, потому что этому помешала та самая лапка нарисованного котенка. Она откинула напользшие на рисунок листки бумаги, и котенок продолжил «выходить».

Отец быстро приблизился и с широко раскрытыми глазами смотрел на происходящее. Кажется, увиденное ужаснуло его гораздо больше, чем можно было ожидать.

В этот момент Гадя в один прыжок оказалась рядом со скетчбуком и полоснула по листу лапой, портя рисунок. Черно-белый котенок кинул на мою Гадость обиженный взгляд, мгновенно словно втянулся обратно в рисунок и замер на листе с обиженным выражением на нарисованной мордочке.

— Папа Что это было? — неуверенно спросила я спустя какое-то время.

Отец поднял на меня глаза и крепко сжал челюсти. В его взгляде мелькнуло отчаяние, которое он, впрочем, быстро поборол.

— Все будет хорошо. Ты мне веришь? — наконец произнес он уверенным тоном.

— Слава, алё! — послышалось настойчивое из смартфона, который отец держал в руке. — Слава! Что случилось?!

Отец, продолжая смотреть в мне в глаза, поднес телефон

к уху и медленно ответил:

— Все хорошо, Гера. Только ты оказался прав. Нам нужно гораздо более серьезное прикрытие. Надолго

Интерлюдия 1

*Сто шестьдесят восемь лет назад
Лондонское географическое общество*

Спор не утихал с самого утра. В кабинете, обитом дорогими сортами дерева и обставленном в лучших охотничьих традициях, уже не в первый раз спорили трое.

— Господа, я не знаю, что там находится, но мы должны попробовать!

— Ричард, Атлантиду или то, что ею считают, находили уже несколько раз. Я лично провел в наших архивах и архивах Ватикана не один месяц в поисках этой информации, и знаешь что?

— Что? — устало вздохнул Ричард, потому что уже не раз слышал аргументы друга.

— Ни к чему хорошему это не приводило! Каждый раз за любопытство нескольких человек платило все человечество!

— Морган, вот не надо, не нагнетай, — поморщился третий участник дискуссии. — По моему глубокому убеждению, ты передергиваешь. Все эти события не связаны между собой. Я вообще считаю, что Атлантиду так и не нашли. И именно поэтому о подобных фактах в архивах и хрониках написано так расплывчато и неопределенно.

— Это потому, что мы находим лишь следы этих записей! Сами же точные упоминания специально уничтожили! При

изучении архивов это становится совершенно ясно!

— Морган, ты себя накручиваешь. Причем совсем необоснованно! Я ведь тоже изучал все то, о чем ты говоришь. И я уверен, что если Атлантида и хранит какие-то тайны, то навредить человечеству они не могут.

— То есть тебе ни о чем не говорит, к примеру, взаимосвязь, которая вырисовывается между последним зафиксированным посещением Атлантиды и последовавшими за этим темными веками Средневековья с их охотой на ведьм и прочим мракобесием?

— Это нормальное течение истории, Морган! Любая цивилизация претерпевает взлеты и падения!

— Грег, а ты точно читал материалы из Ватикана? — с возмущением посмотрел на него друг.

— Читал. И считаю, что ты неправ. Ты проводишь неверные параллели.

— Это еще почему?

— Да потому, что если следовать твоей логике, то падение Римской империи, появление Будды и даже Христа произошли из-за того, что кто-то побывал в Атлантиде! — взмахнув руками, эмоционально почти выкрикнул Грег.

— Ну ты не перегибай, — нахмурился и опустил глаза Морган.

Как истинно верующий человек, он даже подобные мысли считал богохульством.

— Друзья мои, — снова вступил в разговор Ричард. —

Все, о чем вы говорите, недоказуемо. А потому будет будоражить умы людей до тех пор, пока не станет известна правда. Мы ведь даже не знаем толком, что такое Атлантида. Вы ведь читали доступные нам документы. Не те побасенки, что есть в общем доступе, а те, что пылятся в засекреченных архивах. Так вот, там нет точного определения Атлантиды. В разных источниках это то город, то корабль, то дом, то вообще ковчег в том понимании, которое в это слово вкладывает Священное Писание.

В кабинете повисла напряженная тишина. Каждый думал о своем и пытался принять решение. Наконец Ричард пристально посмотрел в глаза друзьям и произнес:

— Господа, мы можем опасаться Атлантиды, но мы просвещенные образованные люди, способные понять гораздо больше наших предков. Мы в состоянии справиться с любыми трудностями, а при необходимости сможем отступить. Но мы должны хотя бы попытаться проникнуть в эту тайну!

Грег кивнул, полностью соглашаясь со словами друга. Морган же некоторое время думал, сверля взглядом лист с координатами, которые им удалось вычислить после многочисленных изысканий. Представил, что вот прямо сейчас забросит все то, чем горел последние семь лет, и решительно кивнул:

— Согласен.

«Мы все умные просвещенные люди. В конце концов, Ричард прав: мы в любой момент сможем отступить».

Глава 3. Поезд. Воспоминания. Кафе

Колеса поезда отстукивали привычный ритм, а я пыталась высмотреть за окном что-то, что правдоподобно и без всякой мистики объяснило бы произошедшее несколько дней назад.

После случая с нарисованным котенком я так больше и не взяла в руки карандаш. Мне было банально страшно. Поразмышляв, я поняла, что напугал меня не он сам, а скорее то, что мои рисунки могут оживать. Напрасивался закономерный вопрос: что, если я нарисую какое-нибудь существо, а оно оживет и первым делом начнет охоту на меня? А неодушевленные предметы? Они могут материализовываться в нашем мире?

И все же я чувствовала, что дело не только в моих рисунках. Ко мне в сны все чаще и настойчивей приходили тени. И чем дальше, тем отчетливей я осознавала, что без них в той истории не обошлось. Что-то мне подсказывало, что сиди я в тот момент на солнышке — котенок бы не ожил. Как не сделал бы он этого и в полной темноте.

Я резко выдохнула и взялась за ручку подстаканника. Отпила чай и прикрыла глаза. Люблю в поездах пить чай. Для меня без него и поезд не поезд. Посмотрела на дымящуюся жидкость и невольно снова вспомнила произошедший вчера

разговор с отцом.

— Собирайся. Мы едем в столицу.

— В Питер? — удивилась я. — Ты уверен?

— Да. Билеты на поезд я уже взял.

— И что же мы там будем делать? — растерянно спросила я. Все это время мы путешествовали по провинции нашей необъятной империи, а тут — В смысле, там и в самом деле самое безопасное место?

— Да — Отец замаялся. И вскоре я поняла почему: — Нам придется некоторое время пожить отдельно.

— Как это?

Вот уж чего я не ожидала, так это подобного заявления.

— Ты будешь учиться в колледже искусств. Это довольно специфическое заведение с круглосуточным пребыванием. Но ты ведь и сама хотела поступить в нечто подобное.

Улыбка отца стала неуверенной, и мне это не понравилось.

— А как же одиннадцатый класс?

— Все школьные предметы ты будешь изучать в колледже. Дети туда поступают после девятого класса.

— А меня, значит, туда возьмут после десятого? — удивилась я.

— Такие дети там тоже есть. Ты не будешь белой вороной. Просто поступишь сразу во второй класс по их внутренней градации.

— И сколько там таких классов?

— Четыре. Но мне сказали, что после этого колледжа перед тобой будут открыты двери любого университета.

Я растерянно смотрела на отца, пытаюсь переварить услышанное.

— А как этот колледж вообще называется?

— Колледж искусств имени святой Параскевы Пятницы.

— Но

Я нахмурилась. Об этом колледже знали все, кто хоть как-то был связан с искусством. Но для поступления туда всегда был запредельный конкурс, а тут меня взяли вообще без экзаменов?! Невероятно. Но спросила я все же о другом:

— Насколько я знаю, форма обучения там совершенно обычная. Жить на территории колледжа не нужно.

— Тебя зачислили на особое закрытое отделение. — Отец избегал моего взгляда и упорно смотрел в кружку с кофе, которую в этот момент сжимал в руках до побелевших пальцев. — Его корпус расположен в окрестностях Санкт-Петербурга в усадьбе Пятая Гора.

— Особое закрытое отделение — протянула я. — Звучит не очень. Не находишь?

Мне хотелось выразиться гораздо резче — для меня это прозвучало так, будто отец хочет сдать меня на опыты или в дурку, — но я знала, что он никогда бы на такое не пошел, а потому ждала разъяснений.

Он посмотрел мне в глаза и резко выдохнул:

— Я надеялся, что все это обойдет тебя стороной.

— Что «это»? — Я сглотнула. — Ты имеешь в виду мой оживший рисунок?

— И это тоже. — Отец с силой потер лицо ладонями. — Понимаешь, в нашем мире есть другая сторона. Я надеялся, что ты никогда с ней не столкнешься и спокойно проживешь жизнь без этого всего. Осталось потерпеть совсем немного, но — Отец замолчал, словно ему было физически больно говорить.

— Прекрати вести себя со мной как с несмышленным ребенком и расскажи правду! — не выдержала я.

Как же мне надоели его постоянные тайны и недомолвки!

— Я не могу! — зло рыкнул он.

— Да сколько можно?!

Не выдержав, я подскочила со стула, и он с грохотом отлетел назад и чуть не развалился. В этом доме вся мебель держалась на соплях.

На глазах выступили слезы обиды. Почему мой собственный отец, тот, кому я больше всех в этом мире доверяла, не доверял мне?!

— На меня поставили печать о неразглашении! — Он, поморщившись, потер грудь в районе сердца и устало произнес: — Я физически не могу сказать тебе большего.

Лицо отца так стремительно побледнело, что я по-настоящему испугалась. Пожалуй, так страшно мне еще никогда не было.

— Что происходит? Тебе плохо?

Я не знала, куда бежать и что делать, чтобы ему помочь.

— Нет, успокойся. Все хорошо. Сейчас отпустит. — Отец прикрыл глаза и медленно выдохнул. — Так бывает, когда скажешь лишнего.

— Тогда молчи, — тут же откликнулась я. — Сама как-нибудь все узнаю.

— Узнаешь, — тяжело вздохнул отец. — Обязательно узнаешь.

Витебский вокзал встретил нас прохладной моросью, и после духоты поезда воздух столицы показался на удивление свежим.

— Нам на метро? — оглядываясь по сторонам, спросила я отца и погладила вертевшую головой Гадость.

— Нет, тут недалеко. — Он неопределенно качнул головой. — Дойдем пешком.

Я с интересом оглядывалась, изучая город и узнавая различные архитектурные стили окружающих меня зданий. Хотелось застыть на месте и зарисовать особенно интересные нюансы — все-таки Питер невероятно красивый город, о котором я много читала, — но отец и не думал останавливаться, и совсем скоро мы оказались у входа в какое-то кафе.

Стоило его двери закрыться за нашими спинами, как человек, занимавший столик в самом углу, приподнял руку.

— В этом году Нева как никогда полноводна, — встретил он нас весьма странными словами.

— Спорить не стану, но сам схожу и проверю, — очень серьезно ответил ему отец, и я поняла, что только что стала свидетельницей настоящих шпионских игр с паролями.

Даже интересно стало, всегда ли отец их использует при встрече со связными от дяди Германа. Раньше он меня на такие мероприятия не брал.

— Присаживайтесь, — дружелюбно кивнул нам незнакомец и отпил из чашки кофе.

После чего достал из коричневого кожаного портфеля небольшую статуэтку Будды. В это же мгновение статуэтка ожила: открыла глаза, сложила руки перед собой в молитвенном жесте и застыла, будто была сделана с такой позой изначально. Шедший в это время к нам официант внезапно замер, словно забыл, куда и зачем стремился. Взгляд его стал расфокусированным. Он растерянно постоял на одном месте, а потом его окликнули с другого столика, и официант словно с облегчением поспешил на зов.

Я округлившимися глазами смотрела то на статуэтку, то на официанта. Неужели мне показалось? Неужели ничего такого не произошло? Но оно ведь произошло! Своим глазам я еще доверяла! Наверное

— Не обращайтесь внимания. Теперь нас до окончания беседы никто не потревожит, — сказал, пристально наблюдая за мной, мужчина.

— Что это было? — не выдержала я.

— Значит, вы и в самом деле совершенно не в курсе

происходящего, — нахмурился связной и вопросительно посмотрел на отца. Тот кивнул, подтверждая его выводы. Тогда мужчина задал ему короткий вопрос, смысла которого еще недавно я бы не поняла: — Печать? — Отец кивнул снова, и мужчина понимающе усмехнулся. — Меня предупреждали, но я думал, что все не так запущенно. Обычно в семьях, где уже были одаренные, у детей информации больше.

— Что значит «в семьях, где уже были одаренные»? — нахмурилась я и посмотрела на отца. — Папа?

— Мая. Мама, — коротко произнес отец, и мои брови поползли на лоб.

— Да, по нашим сведениям, в роду вашей матери часто рождались одаренные. Но вы одна из последних его представительниц. Однако утверждать это с полной уверенностью мы не можем. Ваша мать была подданной другого государства, отследить ее родословную досконально не представляется возможным.

Голова шла кругом от таких откровений. Всю жизнь я, оказывается, прожила, не зная ничего о собственной матери. Для меня она была учительницей с не самыми лучшими родственниками, от которых она решила скрыться в Российской империи, а тут

— Кто такие одаренные? — решила я пока отложить тему родственных связей и задать более актуальный на данный момент вопрос.

— Это те, чье биополе способно резонировать с эфиром-

динамическим полем Земли и использовать его энергию для проявления паранормальных или творческих способностей в реальности, — будто издеваясь, произнес мужчина всю эту, как мне показалось, абракадабру.

— Эфиродинамическим полем, значит, — попыталась я вычленить хоть что-то. — И мое биополе, получается, способно с ним как-то взаимодействовать.

— Судя по тому, что вы сейчас сидите передо мной и я должен передать вам приглашение в колледж именно для таких одаренных — он подбадривающе улыбнулся, — да.

— Хор-р-рошо, — протянула я. — А что конкретно я смогу делать при помощи этого вашего поля?

— Кратко его называют эфди-полем, — решил пояснить мужчина.

— Д-да, — кивнула я. — Так что я смогу при его помощи делать?

— Боюсь, что с этим вам нужно разобраться самой. Не существует двух совершенно одинаковых даров. Более того, я бы сказал, что каждый дар индивидуален и его проявления носитель должен изучить сам. Как и понять, как с ним взаимодействовать. Хотя дары, которые проявляются в одном роду, бывают очень похожи. Жаль, что ваша мать не сможет вам ничего рассказать. Но можете не переживать: в колледже вам помогут с познанием дара. Преподаватели научат вас основным правилам взаимодействия с ним, расскажут, как умирять слишком активные проявления, и помогут, ес-

ли дар будет выходить из-под контроля.

— А он может выйти из-под контроля? — напряглась я.

— Любой дар, если не знать, как с ним управляться, может выйти из-под контроля, — расплывчато ответил мужчина. — Именно поэтому так важно вовремя найти и обучить его носителей.

Я представила, что было бы, если бы мои рисунки начали оживать, скажем, лет пять назад, когда я активно увлекалась японской мифологией и рисовала различных ёкаев и прочую нечисть, и вздрогнула. Меня котенок, выползающий из листа, чуть до инфаркта не довел, а если бы оттуда полезло такое страшилище?

Гадость, все это время тихо сидевшая на моих коленях, недовольно заворочалась и прыгнула на стол. Я поспешила перехватить ее и снова прижала к груди.

— А когда у людей обычно просыпается дар? — поинтересовалась я.

— Обычно с шестнадцати и примерно до двадцати лет. Хотя это скорее крайние значения. Но примерно так.

— А

— Боюсь, что отвечать на ваши вопросы у меня нет времени. — Мужчина посмотрел на часы и достал из портфеля бумаги. — Вам все объяснят в колледже. К тому же там есть очень неплохая библиотека по реальной истории мира.

— Реальной истории мира — тихо повторила я и круглыми глазами посмотрела на отца, для которого все это, судя

по его виду, не было откровением.

Сказать, что я оказалась потрясена услышанным, — ничего не сказать. Однако понимание, что произошедшее со мной имеет какое-то пусть и мистическое, но логическое обоснование, грело душу. А еще я радовалась, что не одна такая. Что-то подсказывало, что всем уникамам прямая дорога в секретные лаборатории. Я уже успела обдумать и этот вариант развития событий. Но отец заверил, что все будет хорошо и в подобную лабораторию я сейчас могу попасть разве что по собственному желанию, хотя лет пятьдесят назад все могло быть иначе.

— Вот. — Связой протянул нам бумаги. — Это ваши новые паспорта, а это приглашение в колледж искусств имени святой Параскевы Пятницы. Занятия начинаются первого числа, но в колледж лучше прибыть хотя бы за день.

Мужчина встал, чуть поклонился в знак прощания, спохватившись, положил фигурку Будды в портфель и, натянув на лицо улыбку, покинул кафе.

Некоторое время мы с отцом сидели в тишине. Он явно ждал моей реакции, а я Мне вдруг показалось, что все только что услышанное — игра моего воображения, слишком реалистичный сон. Не более. И отчего-то мне это ощущение не понравилось.

— Как, оказывается, непрост наш мир, — наконец протянула я и обозначила на лице улыбку.

Не знаю, что ожидал услышать отец, но после этих слов

он облегченно выдохнул.

— Да, я сам долгое время не мог во все это поверить. Жить без этого знания однозначно проще, но — он сделал большие глаза и улыбнулся, — это не так интересно.

Я оценила усилия отца, старавшегося поднять мне настроение, и посмеялась вместе с ним. Но затем он углубился в чтение документов, а я задумалась и не сразу услышала, что ко мне обращаются. Однако маленький шершавый язычок Гади, которая начала вылизывать мою ладонь, вернул меня в действительность, и я наконец посмотрела на склонившегося надо мной официанта.

— Так вы что-то уже выбрали? — явно не первый раз спрашивал он.

Есть не хотелось совсем. Мне бы сейчас переварить свалившуюся на меня информацию, но никак не еду.

Внезапно мой взгляд скользнул за окно. Там, щурясь на вышедшее из облаков питерское солнце, стоял симпатичный парень в косухе и с удовольствием откусывал от рожка мороженого большой кусок. На его мощной шее без труда можно было заметить странного вида татуировку, и я невольно на нее залипла взглядом. Было件нятно, что я вижу лишь самый кончик татушки, и в голове невольно рождались мысли о том, частью чего же этот кончик является.

Внезапно парень, словно почувствовав, что на него смотрят, повернул голову и посмотрел мне в глаза. Я хлопнула ресницами и, смутившись, поспешила опустить голову, жа-

ля, что заплела волосы в косу, а не оставила их распущенными, чтобы сейчас спрятаться за их завесой.

— Так вы что-то выбрали или подойти позже? — снова ворвался в мой разум голос официанта, который явно уже с трудом скрывал раздражение.

— Д-да. Да. Мороженое. Я буду мороженое, — неожиданно для себя самой произнесла я, и голова помимо моего желания повернулась к окну.

А там Как раз в этот момент к парню подошла красивая темноволосая девушка, которую он с самодовольной улыбочкой притянул к себе за талию и поцеловал в губы.

Мои щеки зажглись не просто румянцем, а огнем.

— Я тоже буду мороженое, — оторвавшись от чтения документов, произнес отец и посмотрел на меня. — Вера, ты как? С тобой все в порядке?

Со мной точно было не все в порядке, но я таки вымучила улыбку и кивок.

Глава 4. Питер. Торговый дом. Дорога в колледж

Время до начала занятий пролетело незаметно. Мы с отцом облазили всю историческую часть города и посетили открытую для посещений часть Эрмитажа. Благо императорская чета отдыхала сейчас в Петергофе и открытых залов было больше.

Очень сильно меня впечатлили величественные соборы столицы: Спас на Крови, Исаакиевский собор, Казанский кафедральный собор. Я, открыв рот, разглядывала их убранство и восхищалась мастерством людей, которые участвовали в их создании.

В музеи отец со мной идти отказался. Вернее, ему хватило Эрмитажа. А все потому, что я любила изучать детали, могла простоять у одной картины целый час, в то время как отец за этот час успевал обежать весь музей и маялся все оставшееся время неподалеку, не желая оставлять меня одну в общественном месте.

Когда у меня обнаружился дар, степень тревожности папы возросла в разы и он отказывался отпускать меня без сопровождения даже в магазин за продуктами.

— Папа, ну нельзя так! — возмутилась я, когда он засо-

бирался со мной в торговый дом.

Завтра мы планировали ехать в колледж, и мне нужно было закупиться всем необходимым. А выбирать с отцом одежду, как и все остальное, мне совсем не улыбалось.

— Я скоро задохнусь от твоей неустанной опеки! Мне семнадцать, а не пять лет!

— Прости, Вера, но одна ты никуда не пойдешь, — строго отрезал отец, и не думая оставаться в гостинице.

— Да почему?! Неужели ты думаешь, что он сможет так быстро нас найти? Никогда ведь такого не было!

— Дело не в родственниках твоей матери и не в их врагах, — вздохнул отец.

— Тогда в чем?!

— Орден очищения, — произнес отец и, ухватившись за сердце, на глазах побледнел.

— Что с тобой?! — Я подскочила к нему и помогла сесть на стул.

— Прости, больше ничего не могу сказать. — Отец прикрыл глаза, стараясь восстановить дыхание. — Но они опасны, и я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Именно сейчас ты особенно уязвима. Просто поверь мне на слово.

Отцу только в этом году исполнилось сорок. Он высокий, подтянутый, харизматичный. Всегда излучал силу и был для меня самой настоящей скалой, о которую разбивались любые волны. И видеть его таким беспомощным и уязвимым было страшно.

— Хорошо. Как скажешь, — поспешила я его заверить.

— Тебе получше?

— Да. Все хорошо. — Отец быстро пришел в себя. Посмотрел на меня и усмехнулся: — Ну чего ты испугалась? Застыла, как зайчишка, и глазами хлопаешь.

— Да ну тебя! — облегченно фыркнула я. — Если хочешь со мной идти — иди, но учти: пощады не будет! Пока не куплю все, что мне нужно, торговый дом мы не покинем!

— Ну хоть поесть отцу ты разрешишь?

— Посмотрим на твое поведение. — Я погладила подбравшую к ногам Гадость и дотронулась пальцем до прохладного носика котенка: — А тебе еда уже приготовлена в миске. Голодной не останешься.

В торговом доме Елисеевых — самой обширной и популярной торговой сети в Империи — мы провели немало времени. Что отвратительно, отец и в самом деле таскался со мной по всем магазинам. Но хуже всего было, когда он решал мне помочь и приносил для примерки какие-то вещи. В такие моменты я ощущала себя мадагаскарским пингвином, потому что могла только улыбаться и махать, вернее — аккуратно отмахиваться. Благо отец понимал мои гримасы верно и не настаивал.

— Папа, в отдел белья я могу пойти одна или ты и там будешь стоять у меня над ду помочь мне с выбором? — посмотрела я на него.

Несмотря на зарок спокойно относиться к сегодняшнему походу, раздражение все-таки пробилось наружу.

— Так и быть, подожду тебя здесь, — усмехнулся он, не забыв при этом взглядом проверить магазин, в который я собиралась войти.

— И на том спасибо, — буркнула, отворачиваясь и делая большие глаза.

Я все понимала — опасности и все такое, — но сегодняшний день показал, что к такой плотной опеке я не готова.

Теперь даже проживание на закрытой территории колледжа не казалось таким уж неприятным. Если там у меня будет хоть немного больше свободы, уже будет неплохо.

Выбрав несколько хлопковых удобных комплектов белья — я предпочитала спортивный стиль без кружев и провокационных форм, — я вышла из магазина и огляделась. Отца видно не было, но внезапно мое внимание привлек парень в косухе. Тот самый, которого я увидела в свой первый день пребывания в столице. Он выглядел так, будто всю ночь развлекался и его разбудили через час после того, как он заснул, и заставили тащиться не пойми куда. Однако стоило отдать брюнету должное: даже такой взъерошенный, он был привлекателен.

Парень огляделся мутным взглядом и отпил кофе из пластикового стаканчика. Выразительно скривился, будто кофе был совсем уж отвратительным, и посмотрел на ручные часы.

В этот момент к нему подошел жуликоватого вида тип и что-то сказал. Парень кивнул, достал из кармана небольшой предмет и протянул ему. Тип воровато огляделся, забрал это нечто из рук парня и протянул ему в ответ белый конверт. Парень тут же спрятал его во внутреннем кармане куртки, огляделся цепким взглядом и внезапно остановил его на мне. Сощурился. А я ощутила, как по спине побежали мурашки нехорошего предчувствия.

Уж не знаю, что этот парень здесь только что провернул, но это меня точно не касалось, и бежать куда-то, чтобы об этом рассказать, я не собиралась. Надеюсь, он тоже так подумает. Однако то, с каким видом он шагнул в мою сторону, пошатнуло мою надежду.

— Вера, ты уже освободилась? — внезапно раздалось из-за спины, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Папа! — выдохнула я и облегченно улыбнулась. — Да, вот, купила все, что нужно. — И показала ему картонный пакет с эмблемой торгового дома Елисеевых.

— Тогда, может, пойдём поужинаем? Я что-то уже проголодался.

— Хорошо, я не против, — ответила я чуть нервно и обернулась.

Парня нигде видно не было, и я мысленно поблагодарила за это всех святых. Не хватало мне еще нажать проблем на ровном месте.

На следующий день рано утром, пока еще не было пробок на дорогах, мы выехали за город, свернули на Киевское шоссе и поехали в сторону усадьбы Пятая Гора, в которой располагался колледж для странных детей. Конечно, назывался он иначе, но именно такой — странной, а никак не одаренной — я себя чувствовала.

— Можешь немного подремать. Нам еще часа полтора ехать, — надевая солнцезащитные очки, посоветовал мне отец.

— Ага, вот прямо сейчас взяла и заснула, — буркнула я себе под нос и отвернулась к окну.

Я даже ночью спала плохо. Сначала долго не могла отключиться, потом снилось не пойми что, и я постоянно просыпалась. А потом Гадя решила, что хочет играть и я обязательно должна составить ей компанию. Я пыталась взять себя в руки и успокоиться, но была настолько взбудоражена предстоящими переменами в жизни, что просто не могла расслабиться, и поспать в дороге даже не рассчитывала.

В голове роилась куча мыслей, крутилось множество вопросов. А еще мне было страшно. Но в этом я бы никогда и никому не призналась. Потому что я — Вера Стужева! А Стужевы всегда смотрят своим страхам в лицо и принимают вызовы судьбы с гордо поднятой головой. Отец всегда так

говорил.

Я прикрыла глаза, стараясь отрешиться от пейзажа за окном, и внезапно услышала незнакомый голос:

— Пойдем в кафе?

Я медленно повернула голову и, к своему удивлению, увидела на водительском месте не отца, а того самого парня в косухе.

— Ч-чего? — обалдела я от такой подмены.

— Пойдем в кафе, поедем мороженое, — как ни в чем не бывало произнес парень и остановил машину.

Я огляделась и поняла, что мы приехали совсем не в усадьбу, а вернулись обратно в Питер как раз к тому кафе, где я впервые увидела этого странного парня.

Он первым вышел из машины и открыл мою дверь, предлагая выйти.

Не понимая, что происходит и как быть, я вышла и в растерянности посмотрела ему в глаза. А в них перетекая из одной формы в другую, клубились тени, и оторваться от этой игры оттенков серого было невозможно. Тени словно звали меня, обещали рассказать невероятную тайну, предлагали коснуться чего-то очень важного. А еще они совсем не пугали, а завораживали и манили.

Внезапно брюнет притянул меня к себе. Прямо как ту девушку, которую я видела рядом с ним в первый день. Меня бросило в жар, сердце в груди застучало, как сумасшедшее. Лицо парня оказалось совсем близко, и я даже не услышала

его шепот, а почувствовала слова выдохом на своих губах:

— Уже пора Проснись.

— Вера, мы приехали. Проснись, — потряс меня за плечо отец, и я, хватая ртом воздух, вынырнула из сна. — Все хорошо?

Я огляделась, услышала недовольное мурчание Гадости на коленях и остановила диковатый взгляд на отце.

— Кажется, я все-таки заснула, — выдавила из себя, приглаживая волосы. — Сон дурацкий приснился. Мы уже приехали?

— Да, въезд на территорию колледжа запрещен, так что дальше пешком.

Я посмотрела в окно и увидела большие кованые ворота, за которыми находилась парковая зона, а на холме за ней возвышалась усадьба восемнадцатого века.

— Прикольно — протянула я.

В таких местах я еще не жила.

— Как минимум, тебе будет интересно изучить колледж изнутри, — подмигнул мне отец, желая подсластить горькую пилюлю расставания.

Я пожалала плечами и вылезла из машины.

— Как минимум

Глава 5. Ворота. Усадьба. Домовой

— Не поняла — произнесла я, оказавшись в шаге от ворот.

А остановилась я потому, что прямо перед носом заметила непонятное марево. Воздух словно дрожал и даже переливался, и это было очень странно.

Сделала медленный шаг назад, но с такого расстояния уже ничего не видела. Снова шаг вперед — снова марево. Повернула голову вправо-влево и поняла, что эта непонятная воздушная стена охватывает ворота. Пригляделась еще лучше и увидела небольшие, затерявшиеся в придорожной траве статуэтки львов, установленные с разных концов от ворот. Эти львы с широко раскрытыми пастьями «рычали» друг на друга и могли бы показаться совершенно обычными, если бы я с этого ракурса не заметила, что марево исходит именно от них.

— Позвони в калитку, — подошел с моими вещами отец. Оценив мой немного испуганный взгляд, спросил: — Видишь марево? Не переживай. Это стандартная защита таких мест. Она не пропускает неодаренных.

— А как же ты? — удивилась я.

— Если возьмешь меня за руку, я смогу пройти.

— Так себе защита от людей, — нахмурилась я.

Статуэтки отвлечения внимания, статуэтки, создающие марево, пропускающее только людей. Все это казалось каким-то ненастоящим и даже дурацким.

— Это скорее первый фильтр и защита от любопытных, — пожал плечами отец. — Основная охрана внутри.

Я нажала-таки на кнопку звонка на воротах, и электронный замок тут же щелкнул, открываясь и предлагая нам войти. Сразу за воротами оказалась будка охраны. Из нее вышли двое: один с планшетом в руках, а другой — с автоматом. Первый поздоровался с нами, проверил документы, сверился с какими-то своими списками и указал в сторону главной аллеи.

— Идите по ней, и окажетесь у главного корпуса. Там вас встретят и проводят.

Второй все это время сверлил нас пристальным взглядом и демонстративно держал оружие наготове.

Такое себе ощущение от первого знакомства с будущей альма-матер. Хотя с такой охраной до меня вряд ли доберутся какие-либо нежелательные персоны. Так что пусть стоят и проверяют.

Усадьба Пятая Гора была большой, в ней без труда угадывались архитектурные веяния девятнадцатого века, в котором она и была построена. Неподалеку от усадьбы виднелось несколько флигелей, уже явно более поздней постройки, а над вершинами деревьев чуть поодаль угадывался купол церкви.

— Краси-иво, — протянула я, подходя к крыльцу, на котором нас уже ждала приятная женщина лет тридцати. Одета она была в синее платье с белым воротничком, а образ преподавателя завершал строгий пучок на голове.

— Доброе утро, — произнесла она с дежурной улыбкой. — Вячеслав Владимирович и Вера Серовы?

— Да, это мы, — улыбнулся отец. — Доброе утро.

Честно говоря, я к новой фамилии еще не привыкла, а потому даже слегка вздрогнула, когда ее услышала.

— Замечательно. Меня зовут Анна Александровна Биро. Я секретарь. Буквально через минуту сюда подойдет комендант женского общежития и поможет Вере заселиться. Оставляйте вещи здесь — наш Домовой доставит их в нужную комнату.

— Кто? — вырвалось у меня невольное.

— О, простите, вы же еще не знаете наших местных особенностей. Это артефакт. Его лет двадцать назад создал один из наших учеников и оставил в дар колледжу. Благодаря ему мы теперь можем доставлять вещи и посылки в нужные комнаты, не сходя с места.

— Это телепорт, что ли? — несказанно удивилась я и воодушевилась. — А люди с его помощью могут перемещаться?

Телепорт! Это же мечта детства! Захотел — и ты уже на другом конце империи. А как при его помощи удобно убежать

Почувствовав мое воодушевление, Гадя на руках заворочалась и начала озираться и мяукать. Но мои уже зреющие в голове теории и планы быстро обломали:

— Это очень сложно объяснить, но с теорией телепортации данный артефакт никак не связан. Это свойство дара его создателя. И конечно, людей он перемещать не может, как и любые живые предметы. В таком случае артефакт просто не срабатывает, — улыбнулась Анна Александровна.

— А кто создал этот артефакт и как он выглядит? — не могла не спросить я. — Или это тайна?

— Никакой тайны, — еще шире улыбнулась женщина. — Его создал Андрей Елизаров.

— Тот самый Андрей Елизаров?! — снова не смогла я сдержаться. — Основатель одноименного бренда чемоданов и сумок?

Это же самый известный не только в нашей империи, но и далеко за ее пределами бренд! Я никогда даже не заикалась отцу, что хочу что-то от Андрея Елизарова — слишком это дорогое удовольствие, — но о сумке этого бренда мечтает любая девушка.

Тем временем к нам подошла невысокая полноватая женщина с наметившейся сединой.

— Знакомьтесь, это Лидия Потаповна, помощница коменданта. Она поможет Вере с заселением. А вас, Вячеслав Владимирович, я провожу к директору. Он хотел лично с вами пообщаться.

Но отец не спешил уходить. Видимо, ему, как и мне, было интересно посмотреть на пресловутого Домового. И Лидия Потаповна нас не разочаровала. Вернее, разочаровала, но связано это было не с процессом перемещения.

Она сняла с плеча широченную хозяйственную сумку, с которой еще в девяностые годы прошлого столетия, когда империю сотрясал сильнейший экономический кризис, ездили за границу челночники, раскрыла ее и начала перебирать потертые пластиковые таблички, установленные на натянутую вдоль молнии леску.

Мы с отцом перевели удивленные взгляды на Анну Александровну, и та с усмешкой сообщила:

— Да, в тот момент Андрей Елизаров больше интересовался содержанием. Работать над стилем он начал чуть позже. Кстати, сейчас у нас обучается его сын.

Тем временем помощница коменданта нашла номерок с цифрой сорок четыре и раздвинула таблички в разные стороны.

— Ставьте ваш чемодан, — сделала она пригласительный жест, и отец засунул чемодан в сумку. Но стоило отпустить его, как он исчез, будто и не было. — Кладите сюда и ваш рюкзак. Незачем таскать такую тяжесть на плечах, — улыбнулась помощница мне.

Рюкзак точно так же исчез в зеве сумки, и Лидия Потаповна уже собралась повесить ее на плечо, когда Гадость совершенно неожиданно вывернулась из моих рук и прыгнула

вслед за рюкзаком.

Я перепуганно уставилась на женщин. Конечно, они говорили, что этот чудо-Домовой не перемещает живых существ, но это же Гадость! Отец не зря ее так назвал. А нехорошее предчувствие, которое тут же у меня возникло, подтвердило враз изменившееся лицо Лидии Потаповны.

— Котенка здесь нет — растерянно произнесла она, заглянув в сумку.

— Этого не может быть, — все еще улыбаясь, посмотрела на нее Анна Александровна и тоже поспешила заглянуть внутрь сумки.

И по мере того, как ее взгляд в ней метался, улыбка сползала с ее лица.

— Думаю, нам нужно пойти в комнату сорок четыре, — нахмурился отец.

Я уже давно поняла, что, несмотря на демонстрируемую неприязнь, он успел привязаться к котенку и сейчас переживал о нем. Он даже не выразил никакого негодования, когда выяснилось, что в колледж с животными нельзя и Гадости придется остаться с ним. Разве что сама Гадость выглядела при этом недовольной и некоторое время царапалась и была не в духе, но мне так, скорее всего, просто казалось. Она ведь всего лишь котенок.

Но куда Гадя делась?! Она ведь не могла погибнуть? Ведь правда?

Комната, в которую мы тут же поспешили, находилась во

флигеле неподалеку. Мы пронеслись мимо дежурившей вахтерши и поднялись на второй этаж. Комната оказалась почти в самом конце коридора. Лидия Потаповна открыла дверь довольно внушительным ключом, но внутри Гадости не нашлось. Я искала ее везде: и в шкафу, где заметила вещи своей соседки; под обеими кроватями; под столом — нигде котенка не было. Выбежать из закрытой комнаты Гадя не могла.

— Может, ваш котенок выбрался через форточку? — с сомнением предположила Анна Александровна.

Форточка и в самом деле была приоткрыта. Несмотря на продвинутые электронные замки, охрану и даже невероятные артефакты, общежитие не было оснащено современными стеклопакетами, и деревянная рама была старой, с небольшой хлипкой форточкой.

— А если нет? — еле сдерживая панику, спросила я.

Гадость стала частью моей жизни, комочком родного тепла и любви. Я не могла ее потерять!

— Все будет хорошо, — решительно заверила Анна Александровна и улыбнулась. — Уверена, мы обязательно найдем вашего котенка.

— Вы уверены, что он не погиб внутри этого вашего Домового? — продолжая хмуриться, спросил отец, и улыбка на ее лице померкла. — Это вообще нормально, что в колледже используются такие опасные для живых существ артефакты?

— Поверьте, никогда ранее ничего подобного не проис-

ходило! — поспешила заверить нас секретарь. — Я не понимаю, что это было. Уже более двадцати лет этот артефакт не давал сбоев.

— Так, может, у него уже срок годности закончился? — еле скрывая злость, поинтересовалась я.

— Хм — Анне Александровне явно нечего было на это ответить.

— Именно во избежание подобных эксцессов мы и не разрешаем нашим студентам привозить с собой животных, — попыталась хоть как-то снять с колледжа ответственность комендантша.

— Никто и не собирался оставлять кошку здесь, — процедил отец.

— Вячеслав Владимирович, мы сделаем все, чтобы найти вашего питомца, и будем надеяться, что скоро он найдется сам. А пока нас ждет директор. Давайте к нему поспешим?

Отец резко выдохнул, шагнул ко мне и попытался изобразить улыбку:

— Гадость обязательно найдется. Не переживай. — И крепко меня обнял. — Я найду попрощаться.

Оставшись в комнате одна, я невидящим взглядом уставилась на свои вещи, которые стояли прямо посередине комнаты.

— Ммяу, — послышалось тихое откуда-то снизу.

— Гадость?.. — Не веря своим ушам, я опустилась на колени и заглянула под кровать. Там как ни в чем не бывало

сверкал своими желтыми глазищами мой котенок. Я тут же протянула руки и достала покрытую пылью Гадость. — Но тебя же там не было. Я сама смотрела!

— Мяу, — насмешливо фыркнула Гадя и чихнула.

В этот момент дверь со стуком открылась, и я услышала:

— Ну привет, соседка! Оу, какая у тебя милаха!

Я подняла голову и увидела ту самую брюнетку, которую на моих глазах целовал парень в косухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.